

II

ЮНОЕ ДАРОВАНИЕ, ОБЕЩАЮЩЕЕ ПОГЛОТИТЬ ВСЮ СОВРЕМЕННУЮ ПОЭЗИЮ

Прежде всего воскликнем с Карамзиным:

Ах, не все нам слезы горькие
Лить о бедствиях существенных;
На минуту позабудемся
В чарованьи красных вымыслов!³³

Успокоившись таким авторитетом, обращаемся к делу и рекомендуем читателям юное дарование, которое может, как говорит г. Григорьев о г. Случевском³⁴, или распасться прахом, или оказаться силою, новой, великою силою. Собственно говоря, мы не знаем, как думать о юном поэте и помещать ли его в «Современнике» или в «Свистке»; но решаемся на первый раз лучше в «Свистке»: а то в «Современнике»—то большею частью как-то несчастливы бывают³⁵ — через два-три месяца уже не могут концы с концами свести... В «Свистке» не то: посмотрите, как твердо г. Лилиеншвагер стоит на своем пути!.. А юное дарование г. Капелькина будет поразнообразнее таланта Лилиеншвагера. Да вот прочитайте и судите. Мы и письмо поэта печатаем, не скрывая его юношеской наивности: гласность, так уж гласность, полная, безусловная.

—

Милостивые государи!

Мне 20 лет. Я с юных годов одержим невыносимую любовью к поэзии. 12-ти лет я уже писал весьма хорошие

стихи. Вообще я развился весьма рано. Вот первое стихотворение, которое я счел достойным печати: я написал его, будучи 12-ти лет.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ³⁶

Вечер. В комнатке уютной
Кроткий полусвет.
И она, мой гость минутный...
Ласки и привет,
Абрис миленькой головки,
Страстных взоров блеск,
Распускаемой шнуровки
Судорожный треск...
Жар и холод нетерпенья...
Сброшенный покров...
Звук от быстрого паденья
На пол башмачков...
Сладострастные объятья,
Поцалуй немой, —
И стоящий над кроватью
Месяц золотой...

1853.

Это стихотворение попало к отцу моему, и он, признаюсь вам, чуть меня за него не высек. Напрасно уверял я его, что ничего подобного не видывал и не чувствовал, что это все есть подражание разным поэтам (я никогда не подражал одному): отец не хотел верить — так велика была сила таланта и живость изображения предмета!..

Но как ни уверен я был в своем даровании, а перспектива быть высеченным вовсе мне не нравилась, и я немедленно переменял род своей поэзии.

В то время наше отечество боролось с англо-французами³⁷; газеты были наполнены восторженными возгласами об огромности России и о высоком чувстве любви к отечеству. Я увлекся и написал следующее стихотворение:

РОДИНА ВЕЛИКАЯ

**О моя родина грозно–державная,
Сердцу святая отчизна любимая!
Наше отечество, Русь православная,
Наша страна дорогая, родимая!**

**Как широко ты, родная, раскинулась,
Как хороша твоя даль непроглядная!
Грозно во все концы мира раздвинулась
Мощь твоя, русскому сердцу отрадная!**

**Нет во вселенной такого оратора,
Чтобы прославить твое протяжение:
С полюса тянешься ты до экватора,
Смертных умы приводя в изумление.**

**Ты занимаешь пространство безмерное,
Много обширнее древнего Рима ты.
Русской земли население верное
Чувствует всех поясов земных климаты.**

**Реки, озера твои многоводные
Льются, подобно морям, бесконечные;**

**Необозримы поля хлебородные,
Неизъяснимы красы твои вечные!**

**Солнце в тебе круглый год не закатится,
Путник тебя не объедет и в три года:
Пусть ямщикам он на водку потратится, —
Только лишь откупю будет тут выгода...**

**О моя родина, богом хранимая!
Сколько простору в тебе необъятного!
Сколько таится в тебе, о родимая!
Неизъяснимого и непонятного!..**

1854.

За это стихотворение отец похвалил меня, и я после того написал еще десятка четыре подобных пьес. Но признаюсь, ни одно из них не может сравниться в звучности с выше приведенным. Поэтому я и не сообщаю их вам, а перехожу к новой эпохе моей поэтической деятельности.

В 1854-1855 отечество наше было в печальном положении: военные неудачи, обнаружение внутренних неустройств, все это терзало сердце истинного русского и вводило его в мизантропию. И я действительно предался мизантропии, разочаровался; все мне опостылело, и я произвел следующую пьесу:

КУДА ДЕВАТЬСЯ?

**От людской любви и дружбы
В лес дремучий я бежал,
Стал кореньями питаться,
Мыться, бриться перестал.**

**С отверженьем и проклятьем,
Я в лесу один брожу.
Но увы! здесь снова дружбу
И любовь я нахожу.**

**Солнце с неба дружелюбно
На меня бросает луч;
И поит меня с любовью
Меж дерев бегущий ключ.**

**Соловьи поют влюбленно,
Лобызаются цветы,
И блестят любви слезою
На деревьях все листы.**

**Дружно по небу гуляют
Золотые облака,
И грозит любовь и дружба
Мне из каждого сучка...**

**В каждой травке, в каждой мошке,
В каждой капельке росы
Обитает дух незримый,
Полный ангельской красы,**

**И старается мне сердце
Чувством нежным размягчить,
Чтобы дружбой и любовью
Целый век мой отравить...**

**И в лесу, в борьбе тяжелой,
Силы падают мои...
О, куда ж, куда сокроюсь
Я от дружбы и любви?**

Вы угадываете, чем разрешилось это мизантропическое настроение? Любовью, самой пылкой любовью — страстью до того пламенной, что я не знаю, как еще я не сгорел совсем. Тогда-то производил я по 7^{1/2} стихотворений в день круглым счетом; с особенною силою выразилась страсть в следующем стихотворении, которое я считаю вполне достойным печати:

ПРИЧИНА МЕРЦАНИЯ ЗВЕЗД

Как твои уста в веселом разговоре,
Чуть смыкаясь, снова раскрываются;
Как любовь и радость в этом светлом взоре
Перелетным блеском разгораются,
Так на светлом небе в этот миг мерцают
Купы звезд, живые, разноцветные.
Иль в любви и звезды глазками играют
И друг другу речи шлют приветные?..
Иль любовью нашей с неба голубого
Хоры их приветливо любятся?
Иль в виду избытка счастья земного
Их лучи завистливо волнуются?
Нет, любви дыханье так во мне широко,
Так из груди сильно вырывается
И, раздвинув воздух, так летит высоко,
Что эфир далекий колыхается, —
И с его напором звездные громады
В дружное приходят колебание...
Оттого-то в ночи неги и отрады

Веселей и чаще их мерцание...

1856.

Но скоро любовь моя прошла или, по крайней мере, сделавшись больше и приобретя серьезный взгляд, я перестал уже тратить драгоценное время на описание любовных чувств. Вокруг меня волновалась общественная деятельность, все было полно новых надежд и стремлений, все озарено было самыми светлыми мечтами. Весь мир представлялся нам в радужных красках. В таком настроении услышал я однажды заунывную крестьянскую песню. У меня тотчас родился вопрос: «отчего же она уныла, когда все кругом так весело?» Нет, — сказал я сам себе, — я должен, во что бы то ни стало, отыскать в ней веселые звуки. И представьте силу таланта — отыскал! И не только отыскал, но и воспроизвел! В Москве говорили, что недурно. Что вы еще скажете? Вот эти стихи:

СУЩЕСТВЕННОСТЬ И ПОЭЗИЯ³⁸

Знаю вас давно я, песни заунывные
Руси необъятной, родины моей!
Но теперь вдруг звуки, радостно–призывные,
Полные восторга, слышу я с полей!
Пусть всё те же песни — долгие, тоскливые,
С той же тяжелой грустью пахарь наш поет.
Долю его горькую, думы терпеливые
Пусть напев протяжный мне передает.
Но в восторге сердца, под святым влиянием
Гласности, прогресса, современных дум³⁹,
Поли благоговенья к светлым начинаниям,
Жадно всюду внемя новой жизни шум, —
Не хочу я слышать звуков горькой жалобы,

Тяжкого рыдания и горячих слез...
Сердце бы иссохло, мысль моя упала бы,
Если б я оставил область сладких грез...
Все светло и благо, все мне улыбается,
Всюду дней блаженства вижу я залог,
И напев тоскливый счастьем отзывается,
В грустной песне льется радости поток.
Пусть всё те же песни наши заунывные,
Но не то уж слышно в них душе моей:
Слышу я в них звуки радостно–призывные,
Чую наступленье новых, светлых дней!...

1857.

Вслед за тем у меня родилась потребность самому быть общественным деятелем и я изобразил свое настроение в нескольких звучных пьесах, из коих вот одна:

138

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ⁴⁰

Я ехал на вечер. Веселыми огнями
Приветливо сиял великолепный дом;
Виднелась зала в нем с зелеными столами
И бальной музыки из окон неся гром.
А у ворот стоял, болезненный и бледный,
С морозу синий весь, с заплаканным лицом,
В лохмотьях и босой какой–то мальчик бедный
И грошик дать на хлеб молил меня Христом.
Я бросил на него взор, полный состраданья,
И в залу бальную задумчиво вошел,
И детям суеты, среди их ликованья,
О бедном мальчике печально речь повел.

В кадрилях говорил о нем я девам нежным,
Меж танцев подходил я к карточным столам;
Восторженно взывал я к юношам мятежным
И скромно толковал почтенным старикам.
Но глухи были все к святым моим призывам...
И проклял я тогда бездушный этот свет
За то, что он так чужд возвышенным порывам —
И тут же мстить ему я дал себе обет.
Я скоро отомстил: за ужином веселым,
Лишь гости поднесли шампанское к губам,
Я тостом грянул вдруг, для их ушей тяжелым:
«Здоровье бедняка, страдающего там!»
И показал я им на улицу рукою.
Смутились гости все, настала тишина.
Не стали пить... Но я — я пил с улыбкой злою,
И сладок для меня был тот бокал вина!..

1858.

Но вы сами знаете, как тяжело бороться против общественной апатии, безгласности, мрака предрассудков. Я все это изведаль горьким опытом, и вот как выразилось мое новое общественное разочарование:

РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА⁴¹

(Современная элегия)

Исполняясь мужества и помолившись богу,
Я рано выступил в опасную дорогу.
Тропинка узкая лежала предо мной,
Сливаясь при конце в какой-то мрак густой.
Безмолвна даль была, как темная могила;
Высокая трава лишь с ветром говорила
Да слышалось вдали, вводя меня в тоску,

Кукушки горестной зловещее ку–ку.
Я был один, один... вокруг ни души живой...
Но я пошел вперед отважною стопой!
Мне в платье яростно вонзился терн колючий,
Я ноги обжигал себе кропивою жгучей,
Ложилась пыль на мне от каждого куста
И паутина мне садилась на уста;
Но я все шел вперед, свой страх преодолая,
О цели странствия прилежно размышляя.
А путь — чем далее, тем делался страшней:
Жужжали вокруг меня десятки ос, шмелей;
Над головой моей кружились вереницы
Какой–то скаредной и безобразной птицы;
И что–то длинное, подобное змее,
Узрел вдруг на своей я темной колее...
И страх меня объял... Стал день мрачнее ночи,
Упал я на траву, смежив в испуге очи...
И долго я лежал, недвижно, как мертвец;
Но смирно было все, и встал я наконец.
Взглянул окрест себя: природа улыбалась,
Все солнцем радостно и ярко озарялось;
Кузнечик стрекотал и прыгал по траве,
И птички реяли в воздушной синеве,
Порхали бабочки на солнечном сиянье,
И в воздухе несло цветов благоуханье.
А то, что мне змеей представила мечта,
То кем–то брошенный обрывок был кнута...
Дорога прежняя опять меня манила,
И сердце о пути мне громко говорило,
И жажда славных дел проснулася в груди,
И цель великая виднелась впереди!..
И вновь я двинулся... Но что со мною случилось?!
Нет прежних сил во мне... отвага потерялась...
Я не могу идти... Я немощен и слаб;

Сомнений горестных теперь я жалкий раб.
Мечты высокие, стремленья мысли здравой —
Бесплодный анализ облил мне злой отравой...
Я стал умней теперь. Все трудности пути
Я опытом узнал... Теперь бы мне идти...
Но дорого мне стал мой опыт безрассудный,
Я силы истощил, и на дороге трудной
С тоской, с презрением к себе теперь стою
И не в траве — в себе я чувствую змею...
1859 г.

139

Теперь я не знаю, куда мне идти, за что приняться. В голове пусто, совершенно пусто; в мире ничто не привлекает; сердце иссохло от разочарования. Оживите меня, влейте надежду в грудь отчаянного, определите мне цель жизни: есть ли у меня талант, должен ли я заниматься поэзией, или поступить в военную службу, чтобы ехать на восточный Кавказ и искать смерти в битве с племенем Адыге, которое, как слышно, еще не совсем покорилось⁴².

От вас ждущий жизни или смерти

Аполлон Капелькин

P. S. Следующий мне гонорарий вышлите мне по адресу, который вам сообщу, когда увижу стихи мои напечатанными.

140